

ПРАВОСЛАВНЫЙ СЛОВОПЫТ

Основная часть этих предлагаемых благосклонному вниманию читателя филологических этюдов была написана студентом Духовной семинарии, когда он учился понемногу церковно-славянскому, греческому, латинскому языкам. Как ребёнок, осваиваясь с языком, образует новые слова или выставляет старые в совершенно неожиданном для взрослых свете, так и автор данных заметок вроде такого, но уже умеющего читать и писать ребёнка, отмечал по ходу занятий свои находки. Конечно, с научной точки зрения большинство приводимых наблюдений весьма спорны, поэтому ненаучность своего языкознания я оговариваю с первых строк.

Взять хотя бы такой пример. Листая учебник по новогреческому языку, я с интересом узнал, что греки звук «о», в каком бы положении он не стоял, ударном или безударном, произносят без редукции, то есть «аканья» в греческом языке нет. «До чего трудолюбивы греки, - тут же подумалось мне, - даже звуки у них во рту складываются один к одному. А мы ленивы настолько, что губами пошевелить лишней раз ленимся». Ну, какая это лингвистика? Смех, да и только. Этот вывод несостоятелен ещё и потому, что помимо южного и московского «аканья», есть у русских старательное северное «оканье».

Или пример из английского. В слове *window* (окно) легко угадывается корень *wind* (ветер). Выходит, что в английском доме окно устраивается для ветра. А в русском языке слово *окно* происходит от *ока*. Окно – око дома, значит, устраивается для обозрения.

Спорны эти выводы? Да они никакой критики не выдержат. Мало-мальски знающий английский язык камня на камне не оставит от этих построений. «Эдак, можно придумать, - насмешливо напишет он, - что в слове *always* нашло выражение морское местоположение носителей языка. Каким образом? В море расстояние измеряется временем, что видно из таких выражений, как *два дня пути* или *месяц ходу*, и поэтому бесконечность любого морского направления *all ways* (все пути) легко отождествилась с бесконечностью времени *always* (всегда). Так? Но такое рассуждение достойно смеха».

Вот и я говорю, что уши филолога-дилетанта торчат во многих выводах этих заметок. Однако В.Шкловский написал в своё время о слове *не-обходимый*, что оно буквально означает то, что невозможно обойти, а я это на всю жизнь запомнил. Значит, кому-то могут понравиться и пригодиться подобные наблюдения?

В названии заметок обыграно слово *следопыт*. Если взять буквальное его значение, то можно подумать, что изучение следов есть главная цель следопыта. Однако, его цель не следы сами по себе, но тот, кому они принадлежат. Так же и этих заметок цель не в словах, не в лингвистике ради лингвистики, но в том, чтобы увидеть, откуда слова идут, и к кому они приводят. Поэтому распропагандированный вышеназванным писателем В.Шкловским и его сообщниками формальный подход к изучению слова нами отодвигается на третий план. Метод наших исследований определён в названии – православный словопыт.

Слово *православный* сегодня соединяют со всем, с чем только можно его соединить. Православная мама, православный бизнес, православная кухня, православный словопыт... С одной стороны, настораживает, как бы не измельчала от частого использования глубина этого понятия, то есть *правой* славы Богу, а с другой – очень радуется, что после долгих десятилетий интернациональной жизни широко и энергично происходит наша самоидентификация... Опять

чужеродное слово? Шишков, прости, я знаю, как перевести: широко и энергично идёт поиск русских корней.

И раз речь зашла о славословии Божьем, то первым пунктом этих заметок будет разбор одного из основных наших к Богу обращений – Господи, помилуй!

В английском языке молитва *Господи, помилуй* звучит как: *Lord, have mercy*. Интересующее нас английское слово *mercy* происходит от латинского *merces, mercedis* (плата, вознаграждение). От него же происходят и такие проникшие в русский язык слова, как *коммерсант, меркантильный, Меркурий* (бог торговли).

Был бы рад ошибиться, но самый язык западного человека открывает, что в его к Богу мольбе о помиловании подразумевается некая плата, которую он должен заработать. Человек ждёт *merces* – вознаграждения, причем «по естественному желанию наёмника хочет достигнуть своей платы с возможно меньшей затратой сил», и само собой, что «жизнь человека из свободно-нравственного возрастания (в Боге) превращается в исполнение частных предприятий» за плату. Взятые в кавычки слова это цитаты из работы «Православное учение о спасении» архиепископа Сергия (Страгородского), где он подробно анализирует различие сотериологических взглядов западного и восточного христианина как результат различия западного и восточного мировоззрений.

«Рим, - пишет будущий Патриарх, - по справедливости, считается носителем и выразителем права. Становясь христианином, римлянин и христианство старался понять именно с этой стороны, - он и в нём искал прежде всего состоятельности правовой». А «в правовом союзе человек стоит перед лицом Божиим совсем не в положении безответного, всем Ему обязанного грешника: он склонен представлять себя более или менее независимым, обещанную награду он ожидает получить не по милости Божией, а как должное за его труды» (с.17).

Cor contritum et humiliatum Deus non spernet.

Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс.50:12).

«Если подумать о латинских корнях слова *смирение*, - пишет митр. Антоний Сурожский в «Ступенях», - то *humilitas*, которое именно переводится как смирение, происходит от латинского слова *humos*. А *humos* - это *плодородная земля*. Святой Феофан Затворник говорит об этом в одном письме: «Подумай о земле. Она безмолвно лежит перед лицом неба. Она открыта и небу, и сиянию солнца, и дождю. Больше того, по ней ходят, ее топчут. Хуже того, на нее повергают помои, грязь. И она безмолвно перед лицом неба лежит, все принимая и из всего принося плод, обогащенный тем, что ему дается и небом и землей».

Это интересное наблюдение митрополита Антония о близости в латинском языке слов *смирение* и *земля* скорее говорит о латиноязычном понимании смирения, нежели о том, что такое действительное смирение. Русский язык совсем от другого корня производит это слово – от корня *мир*. То сердце смиренно, которое имеет мир. Поэтому не земля главное, главное – плод, из неё произросший. Гумус – средство, плод – мир. Гроздь мира и клубни смирения – плоды одного корня. (*)

(*) Примечание 2012 года, сделанное Н.Е. Афанасьевой по прочтении этой заметки: «Я также связываю сегодняшнее церковнославянское слово *смирение* с корнем «мир», противопоставляя его греческому «*ταπεινός*», происходящему от понятия «низкий», однако не следует забывать, что в древнерусском и древнеславянском языках это слово выглядело как «смерение» (с ятью в первом слоге) и происходит от понятия «мера». Что ж, вполне аскетическое понятие, что подтверждается святоотеческим взглядом на эту добродетель.

И вновь по пятидесятому псалму. *Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою* (Пс.50:17). В чем разница между *устнами* и *устами*?

Словарь прот.Г.Дьяченко их почти не различает, приводя слова *уста*, *устна*, *устне* через запятую в одной словарной статье с толкованием – рот, губы. Русский перевод тоже ничего не даёт: *Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою*. Чтобы выяснить разницу, обратимся к греческому тексту.

Κυριε τα χειλη μου ανοιξεις και το στομα μου αναγγελει την αινεσιν σου. Τα χειλη (устне) словарь А.Д.Вейсмана переводит как *губы*, а то στομα (уста) как *рот, уста*. Т.е. особой разницы слов *τα χειλη* и *το στομα* не видно и у Вейсмана, но перевод выражения *απο χειλεων* – «только губами, не от сердца», позволяет предположить, что словом *τα χειλη* (устне) обозначена предметно-физиологическая сторона процесса хваления, а словом *το στομα* (уста) – возвышенно-отвлечённая, когда к губам подключается сердце.

Латинский текст подтверждает эту догадку. *Domine, labia mea aperies, et os meum adnuntiabit laudem Tuam*. Латинское *os* омонимично, т.е. имеет два разных значения: 1) *os, oris* (форма род.падежа) – рот, уста; 2) *os, ossis* (форма род.падежа) – кость, косточка (маслины), сердцевина.

Упрощённо говоря, хваление начинается с *labia* (устне) – губной мягкости рта и, подхватываясь его костным составом – *os* (уста), отвердевает. Это если говорить предметно-физиологически. А если рассуждать отвлечённо, принимая во внимание второе значение слова *os* (серцевина), то возведение хваления, совершаемого через *os* (уста), на степень сердечного хваления становится ещё доказательнее.

Соседство слов *устна* и *уста* мы видим в другом стихе Псалтири: *Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих* (Пс.140:3).

Как хваление Божие начинается от губ-устен, затем ширится во рту-устах и увлекает, наконец, всего человека, так и необходимое молчание, предохраняющее сердце от уклонения в *словеса лукавствия* (Пс.140:4), должно благоразумно начинать с губ-устен, или, как говорит Псалмопевец, с *ограждения о устнах*.

К мудрой поступательности от меньшего к большему во всяком духовном делании приучает человека трехчастность его природы. В этой связи вспоминается высказывание оптинского старца Варсонофия, записанное его учеником прп. Никоном (Беляевым): «Я помню, как еще зимой Батюшка сказал мне:

- В человеке замечается три части: тело, душа и дух. Это видно из слов Богоматери, сказанных Ею на приветствии Елизаветы: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем». Здесь очень ясно видно разделение: одно – дух, а другое – душа, а что тело и душа суть две различные части, это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затронет дух человека, дойдет до него, и дух, возбужденный божественною силою молитвы, возрадуется. Я постарался сейчас припомнить то, что тогда Батюшка говорил, но не знаю, верно ли я передал это». (Запись от 30 апреля 1909 г.).

От слова *os, oris* (форма род.падежа) – «рот, уста» согласно словарю И.Х.Дворецкого произошёл глагол *oro, orare*, имеющий значения: 1) говорить; 2) юр. защищать; 3) просить, молить.

И вновь нельзя не поразиться всепроникающему юридизму латинского языка. *Молить* на этом языке звучит так же, как *защищать* в судебном порядке.

Что должен хорошо делать адвокат? Красиво и убедительно говорить, но едва ли слёзно и униженно просить. Можно ли соединить два этих занятия в одном лице? Оказывается, можно.

Дальше – больше. Невозможное в русском языке легко возможно в английском, где слово *oratory* означает одновременно и «красноречие, риторика», и «часовню, молельню».

Латинское *candeo* значит: 1) быть белым, сиять, блистать; 2) быть раскалённым. Из него вышли слова *кандидат* (носил белую тогу), *кадило* (лампада), *паникадило*, *кадиловозжигатель*, *канделябр*... Но едва ли можно поставить в этот ряд слово *кадило*, как это делает Церковно-славянский словарь прот. Г.Дьяченко. Этому противится, во-1-х, маленькая буква «н», а во-2-х, как сказал бы А.С.Шишков, «разумы слов» *кадило* и *candeo* совершенно различны.

Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою (Пс.140:2). Если разуместь здесь под словом *кадило* то, что, согласно латинскому корню *candeo*, белеет, сияет или раскалено добела, то непонятно, как такое кадило может *исправиться*, т.е. направиться к Богу. Разве только предположить, что молитва «исправляется», когда она подобна вычищенному до блеска, а не чёрному от копоти кадилу, каким оно иногда бывает. Но если серьёзно, то, очевидно, *кадилом* в этом псаломском стихе названо то, что дымит, кадит или чадит, поскольку речь здесь идёт о поднимающемся кверху дыме.

Кадило это – русское слово, рождённое по типу слов: ветер-ветрило, соль-солило, свет-светило, корма-кормило и т.п. Корнем ему послужило слово *чад*, с заменой *ч* на *к*. Зачем же производить его от латинского *candeo*? И зачем, не разбирая смысла слов, называть *паникадилом* (без *н*) подвешенный под куполом храма светильник? *Кадило* устраивается для каждения, а для освещения потребно *кадило*. Вот оно-то и образовалось из *candeo* по образцу слова *кадило*. Но потом схожее звучание смешало слова, а они быстро перепутались ещё и

потому, что «разум» заимствованного из латыни слова был непонятен, и возник навык неправильного именованья одного другим, паникандила паникадиллом.

«Навык, конечно, ко всему может приучать, но там надлежало бы от него отвыкать, где он во время отсутствия рассудка укоренился» (А.С.Шишков).

Во множестве английских слов проглядывают латинские корни, всё более опутывающие и русский язык. Так, в латинском *spondeo* отыскивается начало столь популярного нынче «русского» слова - спонсор. В латинском языке этот глагол означает: 1) торжественно обещать, обязаться; 2) выступать поручителем, гарантировать; 3) сговорить, помолвить. И вот из последнего значения *spondeo* вышел *sponsus* - 1) жених; 2) крестный отец.

Почти то же мы видим в английском. *Sponsor* это: 1) поручитель; 2) фирма, субсидирующая в своих целях радио, телевидение, концертные выступления; 3) устроитель, организатор; 4) крестный отец, мать. Только «жених» опущено, но это уже не столь важно, п.ч. в латинском корне мы видели, что первоначальное значение слова спонсор – жених.

Какой же из всего этого вывод? Поскольку Женихом Церкви, согласно Священному Писанию и множеству церковных песнопений, принято называть Господа нашего Иисуса Христа, то употребление в церковной среде слова *спонсор* (жених) в отношении богатых вкладчиков не только унизительно для русского языка, имеющего в своём запасе немало подходящих к этому случаю выражений (*благодетель, жертвователъ, благотворителъ, благоустроителъ*), но и двусмысленно.

О том, насколько в русском языке изменилось понимание слова *помилуй* свидетельствуют некоторые стихи из Псалтири.

Показал еси людям Твоим жестокая, напоил еси нас вином умиления (Пс.59:5).

Яко да воспоем Тебе слава моя и не умилюся (Пс.29:13).

Слова *умиление, умилюся* в этих примерах синонимичны скорби и печали. Стоящее здесь греческое *καταλυσις* означает собственно «укол», в переносном значении – уныние, печаль.

«Господи, нагрешили, а Ты прости» – подразумевается в нашем нынешнем *помилуй*. Но, судя по стихам из Псалтири, наши предки молились не так. А как? «Господи, сокруши и раздави».

Толкуя слова апостола Павла *даде им Бог дух умиления* (Рим.11:8), святитель Иоанн Златоуст пишет: «Под словом же *даде* разумей здесь не содействие, а попущение. Умилением же здесь апостол называет навык души к худшему, совершенно неисцелимый и неисправимый. И в другом месте Давид говорит: *яко да воспоем Тебе слава моя и не умилюся* (Пс.29:13), то есть не переменюся. Как умилившись в благочестии не легко изменяется, так и умилившись во зле тоже с трудом может уклоняться от него, потому что умилиться значит ни иное что, как укрепиться и прилепиться к чему-либо. Потому апостол, желая выразить, что воля иудеев неисцелима и трудно исправима, назвал это духом умиления» (т.9, с.764).

Нечто сладенькое вошло в жёсткость слова *помилуй* (*жестоко есть слово сие, и кто может его послушати* (Ин.6:60)), и томная теплота, привнесённая в него современным христианством, превратила перемалывающий молот Божией милости в тягучую патоку.

В церковно-славянском языке одно из трёх типов ударений, которое изображается на письме не чёрточкой, но дужкой, называется – *каморой*. Несомненная связь этого слова с греческим *καμάρα* – свод, как несомненна принадлежность к этому греческому слову и латинского слова *самега*.

Родство слов *кама́ра* - *самега* - *камора* подтверждает В.И.Даль, говоря, что прилагательные *камерный* и *каморный* относятся к *камере*. *Закомары* – наружные своды храма – также сюда относятся, но такого слова я у В.И.Даля не нашёл.

Я давно свыкся со многими составленными со словом *камера* сочетаниями от камергера до камерной музыки в камерном театре, но, листая как-то путеводитель по Великому Новгороду, наткнулся (именно наткнулся, как на иглу) на выражение – *Троицкая камера*. Так назван (и это, видимо, устоявшийся в научной среде термин) северный придел церкви Спаса на Ильине, где наиболее хорошо сохранились фрески Феофана Грека.

Да, я привык к разным камерам – телекамере, газовой камере, резиновой камере, тюремной камере, морозильной камере, кунсткамере, но к Троицкой камере я ещё не привык. Что же мешало нашим учёным мужам, несомненно, знающим вышеприведённую связь слов, назвать придел не Троицкой камерой, но Троицкой каморой или даже этим уютным словом – *каморка*?

В одной из своих лекций профессор А.И. Осипов производит слово *фанатик* от греческого *θάνατος* (смерть), и при этом говорит, что как с мёртвым бесполезно спорить, так фанатику невозможно что-либо доказать.

Однако, более вероятным представляется происхождение слова *фанатик* от лат. *fanaticus* 1) исступлённый; 2) безумный, неистовый. Причём, слово *fanaticus* И.Х.Дворецкий в своём латинско-русском словаре производит от *fanum* – освященное место, святилище.

Вот уж, действительно, с кем невозможно спорить – с исступлённо уверовавшим в себя как в святилище истины. С мертвецом тоже спорить невозможно, но с мертвецом это хотя бы безопасно.

Слово *диссидент*, воспринятое русским языком в значении «инакомыслящий», происходит от лат. *dissidere* – 1) быть вдали, отстоять; 2) быть несогласным; 3) отличаться, противоречить. Оно произошло с помощью приставки *dis-*, означающей «разделение, разъединение, расчленение», от корня *sedere* – сидеть, восседать.

В буквальном значении слова *дис-сидент* по разным местам сидели, сидят и будут сидеть по-разному мыслящие. Причём, потому ли сидят по разным местам, что по-разному мыслят, или по причине разномыслия оказались разно рассажеными – это как кому захочется установить причину и следствие, пусть так и устанавливает.

Латинское причастие *praesens*, давшее лингвистике термин *презенс* для обозначения словоформ настоящего времени, происходит от глагола *praesum, esse*, который имеет значения: 1) быть впереди, быть первым, главным, руководить, командовать, предводительствовать.

По-латыни *настоящий* значит *первый и главный*, а иначе, т.е. без первенства и главенства, *настоящее* по-латыни не мыслится.

Латинская пословица *otium post negotium*, значит буквально «отдых после работы», т.е. почти то же, что *кончил дело – гуляй смело*. Две характерных чёрточки, живописующих латинское мировосприятие, открываются в ней. Первая та, что слово *негоциант* (*negotians*), означает «оптовый торговец, крупный банкир», т.е. работой (*negotium*) латинянам представляется торговля. А вторая та, что слово *negotium* (занятие, дело, работа) означает буквально «нет отдыха»: *нес* (*non*) + *отдых* (*otium*), т.е. слово *работа* образовалось из отрицания слова *отдых*.

В церковно-славянском языке всё наоборот: понятие отдыха вышло из отрицания слова *работа*, потому что при разборе по составу слова *неделя* можно видеть, что оно состоит из приставки *не* и корня *дел* – не-дел-я, так как *неделей* в церковно-славянском языке называется воскресенье – нерабочий день.

В современном русском языке слово *неделя* означает семь дней, т.е. седмицу. «Это от того произошло, - говорится в словаре прот.Дьяченко, - что каждая седмица от недели начинается. Почему и назван первый день после *недели* понедельник».

Счёт дней седмицы начинается в церкви с воскресенья, а не с понедельника, как в миру. С воскресенья открывается и новый глас хваления Богу из имеющихся 8-ми церковных гласов. *Воспойте Господеву песнь нову, воспойте Господеву вся земля* (Пс.95:1). Так всё и происходит в церкви в каждый недельный день, то есть в воскресенье, когда верующие новым гласом, а лучше сказать, не только голосом, но самой жизнью начинают петь свою хвалу Богу.

У латинян наоборот. Воскресенье у них является концом недели, а не началом её, чему доказательством служит их слово *week-end*. *Week* - неделя, *end* - конец. Уик-эндом на западе называется время отдыха с субботы до понедельника.

«Наши войны, по крайней мере большие войны, всегда имели характер химически чистой обороны. Так же, как германские — завоевания и английские — рынка. Не поэтому ли на трех языках термин война так близок терминам: добычи — в немецком (*der Krieg — krieg*); торговли — в английском (*the war and the ware*); и бедствия — в русском (вой и война)?»

Это цитата из «Народной Монархии» И.Л.Солоневича. О связи слов *бой* и *вой* пишет также А.С.Шишков. И слышащим родственную связь слов *вой* и *война* не может не резать ухо это совершенно нерусское выражение *выиграть войну*. Можно выиграть добычу или выиграть рынок сбыта, но как можно выиграть вой?

«Немец говорит Lager и мы за ним также *лагерь*. Немец, читая наши книги и находя в них своё слово, скажет: русский язык так беден, что не может выразить слова Lager и принужден его от нас заимствовать. Он прав, и везде в наших выражениях найдём подтверждение тому, что мы, составляя их по его языку, говорим: разбить лагерь, стать лагерем. Но откуда немец произвёл слово своё Lager? От глагола liegen или legen; но глагол сей один и корнем, и значением с нашим лягу, лежу, положу, полагаю. Итак, он под словом столько же своим, сколь и нашим, Lager, понимает нечто лежащее. Мы не произвели слова сего от *лежу*, но от *стою* и говорим *стан*. Глагол наш стоять есть однокоренной с немецким stehen. Таким образом, корень у нас общий, одни только окончания различны. Но не окончания, а корни содержат в себе значение, по корням должно судить о разуме слов. Почему немецкое от славянского же происходящее lager предпочитаем мы нашему *стан*? И для чего умствуя не по-своему, а по-немецки, вместо *стоять станом* или *становать* говорим *стоять лагерем*, то есть по разуму слов, *стоять лежанием*? Навык, конечно, ко всему может приучать, но там надлежало бы от него отвыкать, где он во время отсутствия рассудка укоренился».

Это цитата из книги «Славянорусский корнеслов» премудрого толкователя разума слов А.С.Шишкова. Читайте, языковеды и все любители русского слова, читайте Александра Семеновича Шишкова!

Почему говорят *кричишь, как оглашенный*?

После окончания той части Божественной Литургии, которая называется Литургией оглашенных, следует возглас диакона: «*Елицы оглашени изыдите ...*» И если два диакона сослужат священнику (а такое часто бывает в соборных храмах), то они этот возглас делят между собой. Встав в царских вратах, один лицом к народу, а другой лицом к алтарю, диаконы попеременно возглашают: 1-ый – *Елицы оглашени изыдите*. 2-ой – *Оглашени изыдите*. 1-ый – *Елицы оглашени изыдите*, да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся.

Если оба диакона обладают громopodobными голосами, и если к тому же они постараются произнести эти возгласы как можно внушительнее, чтобы до всех оглашенных дошло, что им нужно выйти, то вообразите себе, какое это великолепие и какой гром. Отсюда, видимо, произошло выражение *кричишь, как оглашенный*. Хотя кричат не оглашенные, кричат на оглашенных.

Кто такие оглашенные?

Грозный диаконский возглас «*Елицы оглашени изыдите...*» по-гречески звучит так: «*Оси катихумени проэлфете...*» Κατηχοῦμενοι – оглашенные. Греческое слово катηχέω означает «оглашать, (устно) наставлять, учить». Катихизация (или катехизация) это – наставление в вере, происходящее «через голос», поскольку приставка *κατά* означает *по, согласно*, а *ῥος* значит *звук, молва*. Итак, буквально слово *катехизация* значит: обучение голосом.

Но обучать вере всё же лучше не голосом, а личным примером живой и действенной веры. Но и при обучении голосом успех катехизации будет зависеть не столько от силы слов говорящего, не от красоты и убедительности его речи, сколько от ушей слышащих. Всё различие верующих и неверующих – в ушах. *Кто имеет уши слышать, да слышит* (Мк.7:16). Эти слова в той или иной форме около 15-ти раз повторяются в Новом Завете.

Церковно-славянское слово *внуши* есть калька греческого *ενώτισαι*, в котором мы видим всё тот же корень *ωτός* (ухо) и приставку *εν* (в) – в(н)уши.

Ενώτισαι, ο θεος, την προσευχην μου. Внуши, Боже, молитву мою (Пс.54:2).

На русский язык слово *ενώτισαι* переводится словом *услыши*.

От латинского слова *oro, orare* (ораторствовать, молить) составители некоторых словарей производят название неотъемлемой принадлежности дьяконского облачения – *ораря* – широкой длинной ленты, которую диакон носит на левом плече. Так, например, поступает В.И. Даль, хотя и снабжает свою этимологическую догадку вопросительным знаком, а редакция усугубляет её сомнительность восклицательным.

Но лучше всех комментаторов открывает принципы своего словообразования сам язык. Так английский язык (по примеру латинского), укореняя в одном слове понятия *молитвы* и *публичного выступления* – *oratory* – сам за себя говорит, как и каким он представляет себе молитвенное делание.

Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь (Мф.22:37).

Здесь вместо неверного русского *возлюби* точнее церковно-славянское *возлюбииши*, потому что оригинальное *αγαπήσεις* – глагол будущего времени, но никак не императив, не повеление.

Господь и здесь, вернее, именно здесь, в главной Своей заповеди не повелевает, не заставляет, не требует любви к Себе, но смиренно просит её и ждёт.

Слова *Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим* в обращённой к Богородице молитве означают, что честь, которой Она сподобилась от Бога, больше чести Херувимов, а Её слава больше славы Серафимов.

И говоря о слове *честь*, можно заметить, что воспринимаемые нынче как два совершенно разных слова *читать* и *чтить* были изначально одним, потому что церковно-славянское слово *чести* имеет два значения: *читать* и *чтить*. Поэтому в церковных величаниях святым нет разницы, как петь: *чтим* или *чтем* святую память... И даже само это выражение *чтить чью-либо память* из не совсем понятного (потому как чтить или почитать можно человека, но зачем чтить его память? что ей от этого прибудет?) превращается в дословное, когда знаешь родство

слов *читать* и *читать*. *Чтить память* святого значит буквально *читать его память*, т.е. читать составленные в его память либо церковную службу, либо житие.

То же со словами *славить* и *словить*. Первое произошло от второго, «поскольку *слава* рождается и возрастает через *слово*, почему вместо *славный* говорится иногда *пресловутый*» (А.С.Шишков). Однако на это толкование А.С.Шишкова нужно заметить, что нынешнее значение слова *пресловутый* существенно отличается от предложенного им. «Пресловутый – широко известный, шумевший, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки» (С.И.Ожегов).

Итак, всё достойное слова уже славно, и всё что-то уже достойно чести. Откуда же взялись ругательства, сквернословие и так называемая бульварная литература, и почему слово *пресловутый* за каких-то 200 лет переменяло свой смысл на противоположный? Ответ на этот вопрос находим во Псалтири: *Человек в чести сый не разуме приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс.48:13).

При начале обязательного душеполезного чтения за монастырской трапезой назначенный брат, произнеся название книги, испрашивает благословение настоятеля: «Честный отче, благослови прочести (далее следует название книги)».

В связи с предыдущим наблюдением данное благословение на чтение может быть взято у настоятеля в следующих словах: «Достойный прочтения отче, благослови воздать честь (далее следует название книги)».

Отцы наши писали, к высшему: *милостивый государь*; к равному: *милостивый государь мой*; к низшему: *государь мой*, - сообщает В.И. Даль в словарной статье *Государь*.

Как бесконечно далека от нас эта чинная и милая старина! Но Церковь помнит и знает, как к кому следует обращаться. *Великий Господин и Отец наш* – к Патриарху; *Господин наш* – к правящему архиерею; *Господин* – к викарному архиерею.

Слово *вперять*, как кажется, происходит от слова *перо*. У В.И. Даля нет на этот счёт никаких предположений, хотя в своём словаре он частенько высказывает самые неожиданные этимологические догадки. Зато в Церковно-славянском словаре прот.Дьяченко сказано: *вперять* (греч.птеро) – окрылять, устремлять. И вправду, выражение *вперить взор* звучит гораздо поэтичнее, если связать его со словом *перо*, нежели со словами *упор*, *упираться*. Однако у С.И.Ожегова находим одно только значение у этого слова: *вперить* – устремить взгляд, взор. Похоже, что в этом именно смысле (упираться) понимает это слово и Даль, когда ставит рядом с ним французское *fixer*. Но обратимся к Псалтири.

«Богоноснии, и преподобнии, и преблаженнии отцы наши, всему миру светила, земнии ангели, небесные человецы /.../ невещественна злата крила вперивше мысленная, на небеса возлетеша, яко небопарнии орли, нам оставиша устав, Богом преданного пения их...» (Устав святых отец, Богом преданный всем хотящим пети Псалтирь...). В этой выдержке из устава

пения Псалтири нельзя понять выражения *крыла вперивше мысленная*, если не согласиться с тем, что слово *вперять* означает *оперять*.

Слово *витать* имеет в церковно-славянском языке значение *жить, пребывать*, и только в русском языке к нему прибавилось значение *парить, летать в вышине*. «Витать – 2. Двигаться, носиться в вышине. Переносное: предаваться бесплодным фантазиям» (Словарь С.И.Ожегова).

Изначально выражение *витать в облаках* имело, как мне кажется, самый возвышенный смысл – жить на небе. Но со временем оно утратило свой высокий смысл и стало произноситься с насмешкой.

Вопрос же о том, имеет или не имеет славянское слово *витать* какое-либо отношение к латинскому «вита» и греческому «в/биос» – оставляю учёным филологам.

Слово *наверное* всего лишь век назад выражало уверенность говорящего. Скажу вам это *наверное*, то есть точно и наверняка. А нынче оно почти всегда говорит о сомнении. Вот, и разберись с этим языком, когда ничего в нём неизвестно *наверное*.

О том, как изменился русский язык за несколько столетий, можно судить по изменению значений слов *благо* и *блаженство*.

Чем было *благо* для наших предков? Об этом говорит Псалтирь – Священная книга, по которой они учились читать и писать.

Благо есть исповедатися Господеви, и пети имени Твоему Вышний (Пс.91:2).

Благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека (Пс.117:8).

Мне же прилепятися Божови благо есть, полагати на Господа упование мое (Пс.72:28).

Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим (Пс.118:71).

Мы видим, что понятие «благо» для наших предков было связано с Богом. Благоразумие, благочестие, благословение, благовестие, благочиние, благообразие, благоволение, благодарение, благодарность, благозвучие, благовоние, благолепие, благоденствие, благосостояние, благодравие, благоуветливость, благопоспешение, благоверие, благодеяние, благодушие, благодость, благоухание, благовремяние, благородие, благополучие...

Эти и многие другие слова с корнем *благо* должны произрастать к Богу, потому что корни слов, как и корни деревьев, скрываясь в земле, удерживая на себе словесную крону языка, должны словами-ветвями тянуться к Небу. А иначе зачем они растут? Зачем было Богу утруждать Себя насаждением среди людей дара речи?

Посмотрим же, чем для потомков произросло небесное *благо* предков, этот Богом насаждённый словесный корень нашего языка. Нынешнее *благосостояние* – разве это для Бога и с Богом со-стояние? Нет, это сытая и беспечальная жизнь в своё удовольствие, это «народное благосостояние». «*Благоустройство*» – разве это ради Бога устройство? Нет, это «субботник по благоустройству прилегающей территории». «*Благодушный*» – разве это распахнутая для

Бога душа? Нет, это симпатичный добряк, с которым приятно посидеть за столом. *Благополучие* – разве это от Бога и для Бога «получие»? Нет, это всё те же богатство, сытость и комфорт без горя и забот.

Таково современное значение слова *благо*, но, может, оно было иным в прошлые века? Заглянем, как нам его толкует В.И. Даль? «Благ^{ий} или благ^{ой}, выражает два противоположные качества: церк(овное) стар(инное) (значение), а частью и ныне: добрый, хороший, путный, полезный (...), в просторечии же: злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный...» И далее, собирая почти на трёх листах слова, производные от этого корня, В.И.Даль на два-три церковных примера приводит десятки просторечных выражений противоположных «старинному» смыслу. Всё это свидетельствует о том, что «живой великорусский язык» был во времена Даля уже настолько «живым», что почти утратил церковное понимание корня *благо*. Слово «живой» взято мною в кавычки, потому что действительно живым может быть лишь тот, кто понимает, что Господь *пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин.10:10). И если язык этого не понимает, значит, он близок к смерти.

И это во времена В.И. Даля. Что же говорить о современности? Слава Богу, что слово *благо*, хотя и связывается для нас с чем-то душевным, а не духовным, но ещё несёт в себе добрый, а не злой смысловой заряд. Однако часто оно означает обыкновенные материальные *блага* или *блага*. Даже такое пожелание есть – «всех вам благ», говорящее, что невестественное благо разделилось на множество мелких благ, которых чем больше соберёшь, тем лучше. (*) И совершаемое на наших глазах вырождение понятия *благо* ещё зримее на примере слова *блаженство*. Чем стало для нас это великое слово Нагорной проповеди?

(*) Примечание 2012 года. *Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф.7:11). В церковнославянском переводе слово «блага» написано с каморой – знаком ударения, говорящим о множественном числе слова, над которым оно поставлено. Значит, рассуждения о неделимом благе не соответствуют истине.

Блажени нищии духом, - говорит Господь (Мф.5:3). А что говорят поэты? «Блажен, кто смолоду был молод». «Молчалины блаженствуют на свете». «Блажен, кто посетил сей мир». И таких примеров художественного опустошения слова *блаженны* в золотом веке русской литературы, которая вся питалась, как гусеницы листьями, евангельскими смыслами и словами, не счесть.

Известно, что гусеницы, прежде чем стать красивыми бабочками, должны много листьев съесть. Но вот бабочки улетели, и каким же осталось нам благосеннолистственное древо русского языка после золотого, серебряного даже и бронзового (советского) веков нашей литературы? Оно осталось голым, и то, во что превратилось сейчас слово *блаженство*, описывать просто мерзко.

Блаженствовать в современном понятии, значит лежать, раскинувши руки-ноги, на солнечном пляже или на диване после баньки и соответствующих граммов. Мысль о Господе придёт ли кому в голову, когда он слышит слово *блаженство*? Человеку скорее вспомнится шоколад «Баунти», который рекламируется с этим словом.

Кого сейчас называют *блаженными*? Тех, кому надо платочек на шее подвязывать, потому что у них слюна по подбородку течёт. Или вот ещё выражение: «он блажит». Это значит, что

он капризничает, шалит. До какой же степени можно разорить слово! И все вышеприведённые слова с корнем *благо* стали для нас обёртками, которыми украшают поздравления и подарки. Хочется пожелать чего-нибудь этакое, вот и пишем *благоденствия*. А что это такое? Это когда много всего красивого и вкусного.

Опустошение понятий *благо* и *блаженный* это иллюстрация того, как духовный смысл, накапливаемый в словах подвижническими трудами богоизбранных святых, расточается сперва богословской, потом художественной, а потом газетной литературой, которая постепенно выпрастывает из высоких слов их небесное содержание и заменяет Божье благо «благоустройством территории» или «пустой блажью».

Но кто вкладывает в слова духовный смысл? И как древо языка обрастает листьями, чтобы тянуться к Небу? Уж, конечно, не литературные гении и даже не профессора богословия наполняют слова духовным содержанием. Не из красочных описаний и доказательных поучений узнал русский народ, кто такие Евангельские блаженные. Потому что не словами утверждаются слова, но делами, и святая жизнь наполняет слова святым смыслом, а дурная – дурным.

Сколько написал преподобный Сергей Радонежский? То-то и оно, что несколько, но если бы не он, на Руси, может, и не узнали бы так крепко и так хорошо, кто такие блаженные, как не узнали бы и того, что значат и куда ведут заповеди блаженств Господа нашего Иисуса Христа, если бы не видели перед собой преподобных отцов, которые исполняли эти заповеди, а не говорили о них красивые слова.

«Благое тебя побери (смоленск. брань). Это такой благой (т.е. злой) человек, что к нему и приступу нет. Сделалась благая пора, что и зерна хлеба не добудешь. Худая сбруя – благой выезд, т.е. плохая снасть отдохнуть не даст. Благой умом – взбалмошный. Кричать благим матом, кричать отчаянно, изо всех сил...» (В.И. Даль). Даже отдельное слово в последнем значении имеется в словаре «Живого великорусского языка» - «благоматный».

Как и почему произошла в русском языке эта чудовищная перемена в значении слова *благой*, что из *доброего, хорошего, путного, полезного* оно превратилось в *злого, сердитого, упрямого, упорного, своенравного, неугомонного, дурного*?..

И в английском языке можно встретить примеры подобного превращения слов. Так, в романе Диккенса «Оливер Твист» на предложение Фейгина спросить об Оливере в полицейском участке, Бетти ответила: she would be «blessed» if she did, что она была бы «благословенной», если бы сделала это. Выражение «быть благословенной» (be blessed) Бет употребила в смысле «быть чокнутой». И в Священном Писании я с удивлением встретил подобные места, когда пишется одно, а понимать нужно прямо противоположное. Так, согласно Толковой Библии Лопухина, еврейский глагол «барах» имеет значения «благословлять» и «хулить» (см. комм. на 3 Цар.21:7-13).

Как назвать такое словоупотребление? Духовной слепотой? Языковым нечувствием? Сознательной насмешкой? Извращением?

«Благое тебя побери». Эту поговорку придумал лукавый, который, будь его воля, давно бы всё Божие создание извратил и все слова переврал. Но зачем мы, люди, вслед за лукавым её повторяем? Зачем искривляем смыслы? Зачем, например, произносим это кощунственное словосочетание: «кричать благим матом»? Зачем не говорим просто: «кричать громко»?

Если все слова в языке будут противоречивы и двусмысленны, то как таким языком пользоваться? Если слов с прямым смыслом в языке не останется, то на что он будет нужен? Вывернутые наизнанку слова по сути мертвы, потому что утратили смыслы, которые в себе заключали. Но как происходит, что благословение превращается в проклятье? Как происходит, что вместо жизни избирается смерть?

Не знаю, как вы, читатель, но мне неоднократно приходилось быть свидетелем сцен, в которых слова *спаси, Господи*, произносились с таким выражением, будто говоривший их хотел испепелить того, к кому он обращался. Во всяком случае, если бы рядом стоял человек, не понимающий по-русски, он бы решил, что словами *спаси Господи* призывается страшная и позорная смерть на того, к кому они обращены.

Вот так и происходит, что благословение становится проклятьем, а благопожелание «спаси Господи» превращается в русском языке в еврейский глагол «барах», означающий одновременно «благословлять» и «хулить». Вот так и происходит извращение слов из-за лицемерия и трусости их произносящих.

Одним из наиболее авторитетных переводов Священного Писания на английский язык считается Библия короля Иакова (King James' Version), изданная в 1611 году при содействии короля Англии Иакова I. Вторая заповедь блаженства (в нумерации Катехизиса свт.Филарета Московского) в этом переводе выглядит так.

Blessed [are] they that mourn: for they shall be comforted.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся (Мф.5:4).

Не устаю удивляться способности английского языка совмещать в одном слове несовместимое. Земное удобство и небесное утешение он называет одинаково – comfort.

О современных многочисленных переводах Библии на английский язык лучше не говорить, чтобы не расплакаться или, наоборот, не рассмеяться их скудному, как пища в солдатской столовой, словесному рациону. А самые названия таких, например, переводов, как «Гуд ньюз» (Good News Bible, 1976) и «Нью интэрнэшнл Байбл» (New International Bible, 1979), звучат как названия газеты и торговой компании.

«Ни один язык так не отличается возвышенностью слога и слов, как наш. Латинец, например, или другой кто, скажет *отец наш* (pater noster), но не может сказать *отче наш*. Француз говорит *счастлив человек* (heureux l'homme), но не скажет *блажен муж*. Он не имеет, или имеет несравненно меньше нашего сложных слов: говорит *подобен Богу* (semblable a Dieu), но не скажет *богоподобный*; говорит *хороший голос, добрая весть* (une voix agreeable, une bonne nouvelle), но не скажет ни *благогласие*, ни *благовестие*. У него нет двояких, одно и то же значащих слов, из коих одно возвышенное, а другое простое: он равно *око* и *глаз* называет l'oeil; *чрево* и *брюхо*, le ventre; *чело* и *лоб*, le front.

У него нет ни увеличительных, ни уменьшительных, ни почтительных, ни ласкательных имён: он говорит *рука* (la main), но не может сказать ни *ручища*, ни *ручка*, ни *ручонка*; говорит *большая мать* (la grand mere), но не может сказать ни *бабка*, ни *бабушка*.

В глаголах с предлогами язык их несравненно скуднее нашего. Мы скажем *добавлять, забавлять, убавлять, пробавляться* или *подарить, задарить, надарить, отдарить*. Он все сии глаголы должен объяснять прибавочными словами и другими от разных корней глаголами.

Не имеет он и десятой доли тех слов, какими означаем мы голоса животных: *блеет, мычит, кукует, грает, каркает, квакает, клекочет, курлычет, чиркует, стрекочет, токует...*

Часто в ветвеном значении слова своего не найдет он коренной, породившей его мысли и должен отыскивать её в другом языке. (...)

Таковая в языках разность должна непременно производить разность и в свойствах их. Сильный навык и чтение французских книг отвлекли и много отвлекают нас от свойств языка нашего и чувствования красот и силы его. Отсюда, вместо услаждения и приятности, родилось в нас какое-то отвращение от высоких слов и мыслей, мы стали называть их словенскими, переименовывать и избегать, разделять один и тот же язык свой на два, из коих один, важнейший и богатейший, почитать как бы чуждым, а другой, под именем русского, располагать и приближать к французскому, подражая с раболепным благоговением свойствам его. (...)

Отсюда все благозвучные и знаменательные слова наши, как-то: *великолепие, велемудрие, присносущный, злокозненный, благобытность, громовержец, низринуть, возблистать*; также и нарочно для отличения от простых несколько измененные: *огнь, древо, брег, елень, крава, вран* стали мы называть славенскими, неупотребительными. Не мудрено, что юношество наше не приучаемое никогда к чтению Священных книг, наконец совсем отвыкнет от силы и важности языка родного. Не знаю, что из этого последует. Но ежели мы красоты подобных мест, как: *Господь рече, да будет свет, и бысть*, или: *видех нечестиваго высящася яко кедры ливанския, мимоидох, и се не бе*, не станем чувствовать – горе народу!»

Воистину так, Александр Семёнович! И потому всеобщее нечувствие к красоте церковнославянского языка будет нашим великим народным горем, что будет свидетельствовать об окончательном расстройстве народного сознания.

При чтении церковнославянских текстов кое-что может быть непонятно, как, например, непонятно нам многое в окружающем нас мире, но для восчувствования красоты этого мира вовсе не нужно знать его устройства. Чтобы сказать, что осенний лес красив и цветущее поле восхитительно, вовсе не нужно исследований, как и почему они растут. Изучением всегда можно заняться после. Так и с языком, чтобы ему быть воспринятым вовсе не обязательно ему быть изученным. Для восприятия языка, то есть для того, чтобы он стал сопереживаемым событием, нужно самое простое – со-бытие с ним. Если же этого не происходит, если красота названных А.С. Шишковым и других стихов Псалтыри не замечается, значит, орган, отвечающий за их восприятие расстроен, т.е. буквально рас-строен, его строй стал другим, не церковнославянским. Потому что, если язык (γλωσσα) языком (εθνος) не чувствуется, значит это другой язык (εθνος).

Кстати говоря, не пришлось бы приводить в скобках греческих слов, будь эта фраза написана по-славянски. Язык как орган речи и как самая речь (γλωσσα) пишется по-церковнославянски с начальным «малым юсом», а язык как народ (εθνος) – с начальной буквой «я» (аз йотированный).

«Хотя слово *монах* почитают взятым из греческого языка, однако ж слово *мних* (растянутое потом подражательно греческому в *монах*), могло легко произойти от славенского

мний (меньший), поскольку люди в монашеском звании по образу смирения своего всегда себя уничижают, называясь *меньшими всех*, недостойными» (А.С. Шишков).

А ведь и вправду, греческое слово *монах* далеко не так полно передаёт существо монашеского подвига, как это делает наше слово *мних*. Что такое *монах* в переводе с греческого? *Μόνος* – один, проводящий уединённую жизнь. Но во всех нынешних монастырях и в большинстве прежде бывших жизнь общая, общежительная. Проживание, питание, молитва, труды – всё совместное и никакого одиночества. Более того, стремящимся в уединение монахам святые отцы советуют, если и жить в одиночестве, то не в полном, но на расстоянии «вверженного камня» между жилищами, чтобы в случае сильного искушения помочь друг другу.

Толкуют ещё слово *монах* в том смысле, что он живёт безбрачно. Но разве мало вне монастырских стен безбрачных обоёго пола? Одинокое безбрачие вовсе не синоним монашества. Мний, меньший – вот суть монашеского жития. Почитание себя меньшим и низшим из всех людей (а вовсе не одиноко живущим) – вот существо обетов, которые даёт монах при своём постриге, то есть посвящении себя Богу.

Для чего он даёт обет нестяжания? Чтобы быть по-славянски *мнихом*, меньше всех имущим. И для чего он даёт обет послушания? Чтобы опять же быть по-славянски *мнихом*, меньше всех значащим. А вот обет безбрачия он даёт, чтобы быть по-гречески *μόνος*, одиноким. Значит, славянское слово *мних* на 2/3 полнее и точнее греческого слова *монах* выражает сущность монашеского делания.

Официальные формы обращения к священнослужителям Русской Православной Церкви зависят от степени их служения и, начинаясь *Вашим Святейшеством* (обращение к Патриарху), заканчиваются *Вашим преподобием* (обращение к священнику и диакону). В английском языке этим обращениям соответствуют: *Your Holiness* и *Your reverence*. Сравним их корни.

В слове *преподобие* приставка *пре* означает усиление *подобия*, которым наделяется священнослужитель в Таинстве рукоположения. Бог сотворил человека по Своему подобию, а священника, как об этом свидетельствует язык, Он творит *преподобным*. Корни же английского *reverence* лежат в латинском глаголе *revereor* – 1) бояться, опасаться, робеть; 2) питать уважение, почитать.

Реверанс, или почтительный поклон с приседанием на правую ногу, и суровое требование *преподобия* – вот разница латинского и русского восприятия священного сана, отражённая в языках.

«К какому латинскому слову относится русский дериват (т.е. производное слово) *милиция*?» - задаёт вопрос учебник по латыни.

«Слово «милиция» произошло от слова «воевать», - таков ответ на этот вопрос. Зато другой вопрос возникает: «Почему во всех романоязычных народах учреждения по охране общественного порядка названы *полицией* от греческого *πολις* (город), а у нас – *милицией* от латинского *militare* (воевать)? По-военному крепко моя милиция меня бережет?»

Читая книжки по лингвистике, я всегда удивлялся, как иноязычные исследователи, те же немцы (кстати сказать, этимологически слово «немец» значит «немой») замечают в русском языке то, чего я, носитель языка, прежде них не замечал. Со стороны видней? Со стороны, действительно, видней, хотя, это не значит, что правильней. Просто открывается неожиданный угол зрения. А пример с носителями языка приведу такой.

Что это за *Среда* вдруг написано особыми буквами в 17-ой кафизме? Несколько лет после моего знакомства с Псалтирью я об этой *Среде* недоумевал, что значит это слово? Разгадка оказалась очень проста. *Среда* это – середина кафизмы, середина её 176-ти стихов.

Ещё более наглядный пример безотчётно-машинального пользования языком его носителями показывает выражение *воевать друг против друга*. Достаточно одной только буквы, чтобы открылся в нём смысл, который мы наверняка не замечаем, хотя часто пользуемся этим выражением – *воевать другу против друга*.

Вот вам и «носители». Поэтому англоязычный человек, хотя и способен много точнее неанглоязычного рассуждать об описанных выше внутренних связях слов *mercy*, *merces*, *oratory*, но заметить их, как заметить своего дыхания или сердцебиения, он способен менее неанглоязычного.

Столь близкие в написании и столь далеко отстоящие в значении английские слова *hostel* (общежитие, гостиница) и *hostile* (враг) оказываются родственниками, потому что производный их латинский корень *host* означает: 1) гость; 2) враг. Удивительное соединение столь разных смыслов в одном слове. Однако и в русском языке слова *гость* и *враг* часто тождественны. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить пословицы: *Незванный гость хуже татарина* и *Гость на двор, и беда на двор*. Но в то же время отыскиваются и обратного смысла поговорки: *Пошли Бог гостей, и хозяин будет сытый!*

Любопытно, что одно из Божиих имён *Саваоф* переведено на английский язык выражением *Lord of hosts* – Бог воинств, Господь сил. И вспоминая известное высказывание Ф.М. Достоевского о борьбе дьявола с Богом, можно предположить, что та или иная идея, вдруг возникающая в наших головах, есть результат соприкосновения ума с миром духовных воинств – *hosts*.

О привнесённости идей извне говорит само это выражение *пришла идея*. Но в каком качестве – гостей или врагов – приходят идеи в наши умы? Следуя святоотеческим поучениям, нельзя верить ни одной приходящей в голову идее. Необходимо её испытание: зачем она пришла? откуда? от своих или от чужих, как спрашивал Иисус Навин явившегося ему ангела (см. Нав.5:13). Однако, уже из того выражения, что идеям *верят* или *не верят*, можно заключить, что и вера по своей природе близка к идее, только выше и сильнее её. Почему бы тогда не назвать веру «большой идеей»? Об этом и Господь говорит: *Никто же знает Сына токмо Отец, ни Отца кто знает токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти* (Мф.11:27). То есть тот только может знать Отца и иметь веру в Него, кому её даст Сын, т.е. пошлёт именно как идею.

Нет, вера столь же далека от идеологии, сколько самостоятельное решение задачи от её списывания. Вера это итог личной работы ума, души и сердца человека над приходившими и постоянно приходившими к нему идеями. Прежде дарования веры от Бога, нужен личный труд оценки и отбора многих тысяч идей-гостей или hosts.

До сих пор речь шла о том, с помощью каких слов разные языки выражают сходные понятия, то есть как, например, понимают слово *молитва* английский, латинский, русский языки. Теперь зайдём с другой стороны.

Литургия и *республика* – одинаковые по значению слова, потому что и *leitourgía*, и *res publica* означают буквально *народное дело*, но если первое народное дело родилось на востоке, то второе – на западе, потому такими разными оказались эти одинаковые по смыслу слова. Общее дело как богослужение (литургия) и общее дело как государственное устройство (республика). Почему же так разошлись общие дела?

Как правило, люди разных кровей собираются под одним куполом, а под одной крышей часто живут родственники совершенно друг другу чужие. Потому что подлинно соединяет людей не плоть и кровь, но то общее дело, тот дух, которому они сотрудничают и сослужат. Что же такое соработа человека тому или иному духу? Это и есть его вера. Иными словами, вера это – руководство и влечение человека незримым духом, которому он ежедневно отдает свой ум, свое тело, свою душу.

Вера не может быть личной, она всегда обща, потому как она есть духовный язык. Чтобы быть понятым и понимать других, нельзя говорить по-своему, нужно говорить по-русски, по-английски, по-немецки. И верить по-своему, т.е. вне Церкви, нельзя. Поэтому без знания языка своей веры, без духовного общения человек сам себя отсекает от того корня, которым он прорастает в вечность.

Исходный смысл слова *religio* – связь. Связывая человека с Богом, религия открывает высший смысл бытия, которому все земные смыслы подсудны и подчинены. Но небо едино, и Бог один, почему же тогда религий много? Потому что созданный по образу и подобию Божию человек с самого начала своего существования обладает известной свободой.

Уста моя отверзох и привлекох дух (Пс.118:131). Но тот и такой дух *привлекох*, которого призвал. «Отверзу уста моя, и наполнятся духа...» (ирмос 1-й песни канона Богородице). Но от того, как и какими словами отверз уста, таким духом они *и наполнятся*.

В видении святого Иоанна Богослова описанные им животные поражают обилием глаз, которыми были покрыты не только их лица, но и тела (см.Откр.4:6). Так как глаз есть выразитель внутренней силы и ума, то многоочитость животных свидетельствовала об их высочайшей духовной природе, но слово *животные*, которым они названы в Писании, низводит их в глазах, вернее сказать, в ушах современного читателя из разряда величественных существ в пасущееся на поле стадо. Подобная история произошла со словом *живот*, которое для современного человека означает нечто низкое, непристойное, наполненное органами пищеварения. Да и многие другие древние слова переживают подобный кризис своего употребления, их смыслы принижены и опорочены людской молвой.

От греческого слова ζῷον, которым названы *животные* у Иоанна Богослова, произошли слова *зоо*, *зоопарк*, *зоология* и связанными с ними выражения: *зоологическая ненависть*; *в этом вашем зоопарке...*

Латинское *anima* (et salva Bone *animas* nostras, что значит: и спаси, Блаже, *души* наши) породило английское *animal*, т.е. *животное* в том его значении, которому только не хватает определения «грязное». В русском языке *anima* преобразовалось в *анимацию*, т.е. в мультипликацию. Разве что медицина ещё хранит память о высоком значении этого слова в *реанимации* – возвращение в тело отлетающей души.

В православном богослужении замена *живота* на *жизнь* производится на том серьёзном основании, что, якобы, слово *живот* непонятно и немолитвенно звучит для широкой аудитории. Почему бы тогда не заменить и слово *чрево*, которое ещё более неприлично для невоцерковлённых ушей? «Благословен плод *лона* Твоего...» – куда как возвышеннее и приятнее. Но ни *чрева лонем*, ни *живота жизнью* заменить нельзя, потому церковно-славянское слово *живот* вовсе не означает ту отвлечённую *жизнь*, которая рисуется нам в выражениях *жизнь во вселенной* или *жизнь под водой*, не означает оно и ту семейно-трудовую *жизнь*, которую у нас спрашивают при встречах: *как жизнь?* Кстати сказать, и для той, и для другой *жизни* в церковно-славянском языке есть свои слова, ведь не один сплошной *живот* в нём восседает, но три разных слова из молитвы в молитву перетекают.

...жизни Подателю – это о Святом Духе.

...да тихое и безмолвное *житие* проживем – это о жизни буднично-бытовой.

...идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но *жизнь* бесконечная – это уже не о *житии* и не о *животе*, но о *жизни* вечной.

Три слова *жизнь*, *житие* и *живот* знает церковно-славянский язык и расставляет их в молитвах по нужным местам, каждое на своём. И безумным, т.е. буквально совершаемым без ума делом будет замена трёх слов одним.

Что же происходит, когда мы заменяем «органические» слова словами, не имеющими в себе «кровеносной системы», словами отвлечёнными, словами-категориями, т.е. *живот жизнью* или *животных* (*beasts*) *живыми существами* (*living creatures*), как это сделано в новейших переводах Апокалипсиса? А то и происходит, что наша жизнь становится от этого всё более отвлечённой и всё более неживой. Отказываясь от старинных слов с «органикой», мы добровольно снижаем «урожайность» языка, так как иссушаем, истощаем его корни, следовательно, истощаем и корни живота своего.

Что такое гигабайт? В данном случае не техническое содержание термина «байт» меня интересует, но его приставка *гига*.

Гиганты – сыновья Геи (γῆ, земля) и Тартара(!), змееногие(!) великаны, жившие на крайнем западе(!). Подобно Титанам Гиганты пытались завоевать небо(!), но были поражены Зевсом.

Зачем я, спрашивается, столько восклицаний наставил? Да затем и наставил, что эта мифология – реальность! Змееногие гигабайты, сыновья Тартара, исчадия ада вновь штурмуют небо.

Знали или не знали о мифологической подоплёке слова *гига* кибернетики, предложившие его для своего служебного пользования – другой вопрос, который не очень и важен.

Кибернетики своё дело делают хорошо. Но я-то, я-то чьё дело совершил, увеличив мощность своего ПК до 20 гигабайт?

Здесь я хватаюсь за голову, потом хватаюсь за компьютер, поднимаю его высоко вверх и со всей силы бросаю на пол... Но нет, не дождутся они этого от меня! Слышите вы, гигабайты? Не дождётесь! Я всё о вас расскажу.

Знаете ли вы, сколько стоил первый компьютер фирмы Apple? Нет, вы не знаете, сколько стоил первый компьютер фирмы Apple. Он стоил ровно 666,66 долларов.

1 апреля 1976 года американцы Джобс и Возняк основали компанию Apple Computer, которая была зарегистрирована в 1977 году. Ее первой продукцией стал компьютер Apple I ценою в 666,66 долларов. Товарный значок этой фирмы – надкушенное яблоко (apple).

Неужели эти столь зловещие для верующих людей знаки не более чем безобидные шутки электронщиков?

По принятому учёной братией обычаю греческие числительные множат, а латинские делят столь необходимые для научных расчётов и для всей нашей жизни цифры.

Например, и греческое χίλιο, и латинское mille означают 1000. Но корень *милли* в сложных словах говорит о том, что начальная мера в них разделена на 1000 – миллиграмм, миллиметр, миллилитр и т.д., а корень *кило* (упрощенное χίλιο), наоборот, свидетельствует об увеличении единицы измерения в 1000 раз – килограмм, километр.

В свете этой арифметики ожидаемый латинский *миллениум* вместо греческого *хилиазма* катастрофически сокращает продолжительность земного рая.

Святой пророк Божий Иоанн мог проповедовать покаяние, и он его проповедовал, он мог погружать людей в воду, и он их погружал, но он никак не должен был именоваться *Крестителем*, и священнодействие, совершенное им над Господом и над иудеями во Иордане, не должно было называться *крещением*, поскольку воскрешающей силы Креста ему не было известно, и самый Крест, освященный Кровью Христовой, еще не был *явлен* миру. Почему же тогда мы зовём его Крестителем?

Дело в том, что совершённое святым Иоанном в водах Иорданских священнодействие по-гречески называлось βαπτισμός, а по-еврейски атбала, что значит *погружение*, и *крещением*, конечно же, не называлось и называться не могло. Святой Иоанн погружал в воду приходящих к нему людей, когда те исповедовали свои грехи. Поэтому греческое Евангелие называет его не иначе, как βαπτιστής, буквально *погружатель*. Но при переводе на церковно-славянский язык он был назван Крестителем, а совершаемый им обряд погружения в воду был назван Крещением.

Тогда, - как говорится об этом в Евангелии, - исхождаше к нему Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна иорданская, и крещашуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя (Мф.3:5,6).

Выходит, что если судить с точки зрения буквального перевода, то наш церковно-славянский текст не правилен? Но в том-то всё и дело, что наш перевод уловил и передал не форму, не внешность, не букву, но самую суть и дух творимого святым Предтечей обряда. А эта суть такова, что в Иоанновом погружении происходило – распятие. Поскольку приходившие к нему люди хотели отстать от исповеданных грехов, переменить свою жизнь, то по сути они вступали на путь покаяния, а это всегда мучительно и тяжело, это всегда путь крестный. Но не всеми христианами понимается, что слово *крещение* происходит от слова *крест*. Многие из них если и крестятся, то скорее формально, ради внешней стороны этого обряда, ради омовения и очищения, а самой сути его, т.е. Креста не понимают и не принимают. Точно также не передают сути совершённых святым Иоанном дел языки греческий и еврейский, и во многих европейских языках, у западных народов святой Иоанн Креститель называется John the Baptist (Иоанном Погружателем). Но церковно-славянский язык, язык нашего богослужения, нас как бы носом тычет в суть происходящего. Крещение – это не просто погружение или омовение, это *обещание Богу чистой совести* (1Петр.3:21), крещение это – крест. И вот наш язык, в отличие от всех других языков, это понял и передал.

Будем же любить, внимательно слушать и изучать церковно-славянский язык, столь живой, красивый и умный язык, язык нашего общения с Богом.